

ХАЛИФАТ: АНАХРОНИЗМ ИЛИ ПОТРЕБНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ?

СУЛИМОВ

Станислав Игоревич,

канд. филос. наук, доц. каф. истории философии, Воронежский гос. ун-т. (394036, Россия, г. Воронеж, пр-т Революции, д. 22, к. 307/4).
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

ЧЕРНИГОВСКИХ

Игорь Васильевич,

канд. филос. наук, доц. каф. философии и истории, Воронежский гос. ун-т инженерных технологий.
E-mail: igrchernigovskikh@rambler.ru

ТРЕГУБОВА

Динара Дмитриевна,

канд. ист. наук, учёный секретарь, Институт научной информации по общественным наукам РАН (117097, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21).
E-mail: inionran@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу генезиса и функционирования в суннитском исламе такого института, как халифат. Будучи наследником последнего Пророка, халиф изначально объединял в своих руках духовную и светскую власть. До 1924 г. халифом считался османский султан. Республиканское правительство изгнало халифа из страны и упразднило халифат на территории Турции, чем обезглавило суннитскую общину. Именно этот факт делает возможным существование экстремистских еретических группировок, возглавляемых самозваными «халифами».

Ключевые слова: религия, суннитский ислам, традиция, халифат, экстремизм, ересь.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-4-115-128

Введение

Лидер террористической организации Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ — организация, запрещенная в РФ) Абу Бакр ал-Багдади (он же Ибрагим Али ал-Бадри) 29 июня 2014 г. после захвата его сторонниками иракского города Мосул провозгласил себя халифом. Казалось бы, в разгар военных действий против правительственных войск повстанческому командиру не должно быть дела до громких титулов. Но ал-Багдади упорно настаивает на именовании «исламского государства» не иначе как «халифат» и даже призывает называть тех, кто по ошибке называет повстанческую территорию по-другому; а себя величает «халиф Ибрагим». Какой смысл вкладывает он в титул «халиф»? И будет ли это иметь серьёзные политические и духовные последствия для исламского мира? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной работе.

Халифат как социально-духовный институт

Согласно ортодоксальной мусульманской традиции, халиф — это заместитель Пророка

после смерти Мухаммада, бывшего «Печатью пророков», последним боговдохновенным человеком. Преемники Мухаммада пытались создать теократическое государство, объединив в своих руках военную, политическую и духовную власть. Академик В. В. Бартольд, российский востоковед-исламовед, характеризовал первоначальный халифат следующим образом: «Естественным главой теократического государства был бы, конечно, пророк, непосредственный выразитель воли Всевышнего; но Мухаммад объявил себя последним из пророков; его преемники называли себя только *халифами* (здесь и ниже — выделено автором. — С. С., Д. Т., И. Ч.), т. е. заместителями Пророка Божьего. Халифы были призваны продолжать дело основателя общины; ввиду этой цели, они, конечно, должны были избираться из среды ближайших сподвижников Мухаммада и в свою очередь намечать себе преемников. ...Халифы были не только *имамами*, т. е. религиозными руководителями общины, но и *эмирами*, предводителями военных сил, хотя лично редко принимали участие в походах»¹. Первые халифы действительно были полновластными владыками в среде тогда ещё немногочисленных верующих. Но распространение ислама среди неарабских народов и знакомство мусульман с византийской и персидской культурами привели к серьёзным изменениям.

Во-первых, для управления обширными территориями, быстро захваченными мусульманами, требовались опытные чиновники, которых среди арабов насчитывалось очень мало, так как до начала Хиджры арабы вели племенной образ жизни и не имели представлений о государственном устройстве. Поэтому им пришлось привлекать на службу персов и даже православных греков, показавших себя очень эффективными администраторами. Сложившаяся бюрократическая структура была фактически индифферентна к религии, но вносила в общество иерархию, прежде незнакомую арабам: чиновник стоит на социальной лестнице ниже государя, но выше простого человека. Так в исламском мире оформились предпосылки для установления светской власти, которая могла руководствоваться как шариатом, так и политической целесообразностью.

Во-вторых, после смерти Али, последнего халифа, бывшего родственником пророка Мухаммада, среди мусульман остро встал вопрос о престолонаследии. Благодаря этой проблеме молодой исламский мир раскололся на суннитов, шиитов и хариджитов. «По мнению хариджитов, община должна хранить завет Пророка; если эта цель может быть достигнута без единоличного главы общины, имама, то можно обойтись без него; если признано необходимым избрать имама, то он имеет право на повиновение подданных лишь до тех пор, пока управляет ими согласно предписаниям веры; в случае нарушения этих предписаний он может

¹ Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. С. 305.

быть низложен и даже убит. Для шиита все сомнения разрешались не буквой закона, а властью непогрешимого имама; в связи с учением о переселении душ выработалось понятие о переходе власти имама по наследству в роде Али, четвёртого халифа, зятя Пророка»¹. То есть хариджиты (в наши дни большинство из них живёт в странах Магриба) отстаивают принцип первоначального арабского равенства всех членов племени, а шииты выступают сторонниками преемственности Пророка, любая светская власть воспринимается шиитами как неизбежное терпимое зло, с которым придётся мириться до прихода Махди. То есть для шиитов как светское государство, так и суннитский халифат равны в своей незаконности. В Средние века находилось немало сектантских главарей и откровенных шарлатанов, выдававших себя за вернувшегося мессию (Махди) и даже за воскресшего халифа Али, поэтому в ходе истории шииты выработали иммунитет к различному сектантству и экстремизму. Представителями самого многочисленного течения в исламе являются сунниты, которые отрицают социоцентризм хариджитов, но при этом соглашались с ними в том, что халиф может и должен властвовать на выборных, а не династических основаниях. Власть халифа как бы ограничена договором с общиной верующих (уммой), халиф ни в коем случае не самодержец. Но, в отличие от хариджитской версии, сунниты настаивают на том, что в выборах участвуют не все мусульмане, а только самые компетентные в религиозных и правовых вопросах. Такие «эксперты» называются *муджтахиды*. Вот как характеризует муджтахидов один из крупнейших российских специалистов по исламскому праву Л. Р. Сюкияйнен: «Считается, что наиболее соответствует духу ислама такая форма, при которой общину в договоре с халифом представляет особая группа мусульман — муджтахиды, наделенные определёнными качествами — справедливостью, мудростью и знаниями, позволяющими им самостоятельно решать мусульманско-правовые вопросы, не урегулированные Кораном и Сунной»². Муджтахиды не назначаются специально для выборов халифа, но уже должны иметь репутацию авторитетных богословов и правоведов. Если они сочтут нужным выбрать преемником халифа его сына или, наоборот, совершенно чужого ему человека, то выборы всё равно будут легитимными, потому что ключевую роль в них играет именно коллегиальное решение, а не династический фактор. При правящем халифе муджтахиды составляли консультативный совет, но только в силу своей компетентности. Гипотетически же в этот совет мог войти любой мусульманин, обладающий достаточными знаниями для того, чтобы давать советы правителю.

¹ Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. С. 306–307.

² Сюкияйнен Л. Р. Концепция халифата и сравнительное государствоведение в странах Арабского Востока // Право и политика в развивающихся странах. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 121.

Исторические трансформации халифата

Как уже было сказано, изначально халиф сосредоточивал в своих руках духовную и военную власть. Но с течением времени политическое значение этой должности принизилось: Арабский халифат знал и интриги придворных клик, и затяжные гражданские войны, и дворцовые перевороты, и сепаратизм окраин. В 945 г. произошло окончательное лишение халифа светской власти: персидский правитель из династии Буидов стал править Персией и Месопотамией под титулом султана. «Термин *султан* (здесь и ниже курсив автора. — С. С., Д. Т., И. Ч.) в X в. получил значение единоличного светского правителя, в отличие от духовного владыки — *имам*. ...Халиф, прежде соединявший в своих руках власть имама и султана, остался, по крайней мере, имамом; сохранялась даже фикция, что от него исходит всякая верховная власть в исламе, что все султаны обязаны получать от него инвеституру и приносить ему присягу»¹. Разумеется, утверждение султанов халифами было просто торжественной формальностью, а после разрушения Багдада монголами (1258 г.) халифы вообще перебрались в Каир, под защиту мамлюкского султана Бейбарса. В Египте халифат окончательно оформился в своём классическом виде. Л. Р. Сюкияйнен однозначно указывает: «Халиф как глава государства не пользуется законодательной властью и может вводить в оборот новые правовые нормы лишь постольку, поскольку является муджтахидом»². Этот правитель оставляет за собой право издавать фетвы, проверять соответствие светских законов шариату и быть третейским судьёй в религиозных спорах, но поскольку государство мамлюков не было теократическим, то не могло быть и речи о вмешательстве халифа в государственное управление. В 1517 г. турки, победившие мамлюков на поле боя, торжественно пленили халифа, после чего он, по официальной версии, передал свою духовную власть султану Селиму I Свирепому. С этого времени османский султан стал считаться ещё и халифом, то есть духовным главой мусульман-суннитов. Однако и в Османской империи не произошла реставрация теократии. Один из российских тюркологов, Н. Г. Киреев, отмечает: «В турецком абсолютистском государстве... в отличие от других исламских государств, было представлено три традиции — тюркского этноса, монгольской власти и ислама. Причём преобладающей стала традиция “абсолютной и централизованной власти”, — даже над нормами шариата»³.

Не следует думать, что в Османской империи халифат превратился в пустую формальность, просто султаны предпочитали сосредоточивать

¹ Бартольд В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. С. 309.

² Сюкияйнен Л. Р. Концепция халифата и современное государственно-правовое развитие зарубежного Востока // Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. М.: Наука, 1985. С. 144.

³ Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. М.: Наука, 1991. С. 25.

внимание на решении политических вопросов, а религиозные проблемы передавали в компетенцию особого чиновника, называвшегося *шайх ал-ислам*. Придворные богословы зорко следили за чистотой суннитского ислама и в случае возникновения ересей уведомляли об этом султана, который пользовался халифскими полномочиями для ликвидации обновленческих и сектантских движений. Так, в начале XIX в. по его приказу египетский паша, политически независимый от Стамбула, выступил против аравийских ваххабитов и нанёс им военное поражение. Но духовная власть не отождествлялась со светской и не могла её заменить. Например, по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) между Россией и Османской империей султан признавал политическую независимость Крымского ханства, но оставался духовным главой крымских татар («великим Халифом Магометанского закона»¹). То есть русская императрица Екатерина II не считала духовную власть султана над крымскими мусульманами значимым фактором. В XIX в. османские султаны пытались распространить своё влияние на Среднюю Азию, для чего умело использовали панисламистские лозунги, но только правитель Кашгара Якуб-бек согласился чеканить монеты с профилем султана, а остальные эмиры и ханы оставили стамбульские призывы без ответа. Зато баланс и стабильность, поддерживаемые в религиозной сфере усилиями шайх ал-ислама и халифа, оставались практически незыблемыми. В века «Османского халифата» сунниты не знали ни влиятельных сектантских движений (исключение — разгромленные и подавленные ваххабиты), ни обновленчества. На третейский суд халифа выносили свои споры даже мусульманские раджи Северной Индии.

В начале XX в. исламский мир ждало первое, но далеко не последнее потрясение. В 1918 г. Османская империя проиграла Первую мировую войну и была разделена между победившими европейскими державами. Так, Сирию, Ливан и Палестину объявили подмандатными территориями Англия и Франция, которые установили в этих странах свои порядки, а в самой Турции произошла революция, лишившая султана Мехмеда VI престола (1922 г.). Следующие два года халифом был брат свергнутого самодержца Абдул Меджид II, не претендовавший на светскую власть и занимавшийся исключительно религиозными вопросами. Вот как характеризует его отечественный историк А. Г. Ушаков: «...Абдул Меджид даже и не думал заниматься подрывной деятельностью. Да и какая там деятельность! Это был совершенно безвольный и изнеженный аристократ, очень образованный и набожный. Почти пятьдесят лет прожил он в своём дворце на Босфоре, занимаясь живописью и выращиванием роз. Каждую пятницу он посещал Святую Софию, где усердно молился, а в остальные дни с важностью истинного правителя принимал

¹ Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. С. 315.

многочисленных посетителей»¹. Рискнем предположить, что, если Абдул Меджид принимал многочисленных посетителей, значит, должность халифа была у мусульман востребована — вряд ли к непопулярным деятелям каждый день приезжают гости из разных областей исламского мира. Но лидер турецких реформаторов, паша Мустафа Кемаль Ататюрк стремился любыми способами вестернизировать молодую республику и преуспел в этом начинании. 1 марта 1924 г., выступая перед Национальным Собранием, он сказал такие слова: «И ради земного и ради потустороннего счастья нам настоятельно необходимо как можно скорее полностью освободить нашу религию, наши верования от влияния старой политики, старых политических институтов, служивших корыстным интересам узких групп»². Под одним из «старых политических институтов» реформатор имел в виду халифат. Уже 4 марта 1924 г. Абдул Меджид II и его семья были высланы из Турции, а сама должность халифа в Турции была упразднена.

Суннитский мир без халифата

Следует отметить, что Ататюрк представлял не весь исламский мир, а только турецкое национальное государство, которое он и видел объектом своих реформ. В то время как диктатор занимался модернизацией и обустройством молодой республики, мусульмане всего мира остро нуждались в наставлении. Те вопросы, которые в официальном порядке решал халиф, теперь оставались без ответа. «Уже в мае 1926 года на Конгрессе в Каире (30 делегатов из 11 мусульманских стран, отсутствовали исламские организации из Афганистана, Ирана, Индии, Судана и Турции) был принят призыв ко всему мусульманскому миру способствовать образованию нового халифата»³. Но этот призыв в ту эпоху никого из политиков не взволновал: европейцы безраздельно властвовали в Леванте, Северной Африке и Индии, а в Центральной Азии советская власть энергично насаждала социализм. В подмандатных и полукOLONиальных странах набирало силу арабское националистическое движение, совершенно индифферентное к религии и даже возглавляемое православным христианином из Ливана М. Афляком. Несколько позднее это движение получило условное название *баасизм* (по ведущей националистической партии — БААС). До Второй мировой войны баасисты добивались независимости для арабских стран, а в 1950-е гг. их требования были удовлетворены. Плечом к плечу с ними действовали полулегальные и прямо запрещённые сектантские

¹ Ушаков А. Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002. С. 260.

² Ататюрк М. К. Избранные речи и выступления. М.: Прогресс, 1966. С. 325.

³ Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003. С. 16.

организации панисламистов (например, «Братья-мусульмане» (основана в 1928 г.)). После ухода европейцев между баасистами и исламистами вспыхнул конфликт. Исламисты пытались реставрировать шариат и выдвигали лозунг «Коран — наша конституция». Националистические лидеры, не отвергая религию официально, репрессировали тех религиозных деятелей, которые мешали их политическому курсу на модернизацию или «арабский социализм». Вот как описывает отношения исламистов и националистов в 1960-е гг. французский исследователь Ж. Кепель: «...при захвате власти современными городскими группами, изгнании пашей и нотаблей, провозглашении республики — *a fortiori* — социализма в той или иной форме деятели ислама подвергались “чисткам” и оттеснялись на второй план»¹. Безразлично относящиеся к исламу диктаторы Г. Насер (Египет), Х. Асад (Сирия), М. Каддафи (Ливия) и С. Хусейн (Ирак), тем не менее, приветствовали любые религиозные веяния, которые помогали им поддерживать порядок и составляли конкуренцию ультралевому марксизму. Так, Г. Насер открыто выражал лояльность как мусульманам, так и коптам, при условии, что обе конфессии будут способствовать торжеству умеренного социализма. М. Кадаффи признавал: «Подлинным Законом общества является либо обычай, либо религия»². И демонстративно опирался в своих социально-политических проектах на обычаи бедуинских племён.

Следует отметить, что противостоящие реформаторам исламисты вовсе не были ортодоксами. Идеолог «Братьев-мусульман» С. Кутб, основатель пакистанской партии «Джамаат-и ислами» А. А. Маудуди, египетские сектантские лидеры М. Шукри («Общество мусульман») и А. Фарадж («Сокровенный долг») вовсе не принадлежали к традиционному суннизму. Кутб и Маудуди вошли в историю как утописты, ратовавшие за создание теократической республики под названием «системы взаимных консультаций», а боевики «Сокровенного долга» даже расправились с египетским президентом А. Садатом, стоило тому заключить мир с Израилем и тем самым признать свою неспособность защитить исламский мир на поле боя. Лидеры этих движений злоупотребляли такими терминами, как *джахилийя* и *такфир*, которые обычно стараются не использовать образованные мусульманские богословы. Так, *джахилийя* (дословно — *неведение*) — термин, которым обозначают язычников доисламской Аравии. Этим словом С. Кутб без колебаний назвал режим Г. Насера, за что и был приговорён к смертной казни. *Такфир* (от *кафир* — *неверный*) — исключение мусульманина из общины верующих и объявление его вне закона. Именно такой приговор вынесли воинствующие исламисты светским диктаторам. При этом ортодоксальные богословы и представители

¹ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. С. 51.

² Каддафи М. Завещание. М.: Алгоритм, 2012. С. 28.

традиционно уважаемых в народе религиозных братств (марабуты, дервиши) также объявлялись отступниками. Националистические режимы, проиграв Арабо-израильскую войну (1967 г.), быстро лишились авторитета. Баасизм стремительно терял популярность, а на смену ему шло подавляемое до этого момента сектантство, поддерживаемое нефтяными деньгами аравийских ваххабитов. Множились исламистские организации, проповедующие политический ислам, и не было никакой легальной инстанции, способной вступить с ними в полемику. Единая духовная власть, способная отделить ересь от ортодоксии, отсутствовала, потому что Абдул Меджид, умерший в эмиграции в Париже (1944 г.), не назвал преемника на должность халифа.

Положение, в котором оказался мусульманский мир в 1970-е гг., когда светский национализм уже не имел авторитета, а духовенство оказалось обезглавлено отсутствием халифа, очень напоминает ситуацию Русской православной церкви в 1920-е гг. Тогда после смерти патриарха Тихона (Белавина) советское правительство не позволило выбрать на эту должность преемника, местоблюститель оказался в тюрьме, а общину верующих буквально разрывали на части реформаторы-обновленцы. Однако среди православного клира нашлись деятели, способные и без поддержки свыше призвать свою паству к верности ортодоксии. Вот как, к примеру, возражал обновленцам московский священник о. Валентин (Свенцицкий): «Для кого Церковь — живой организм, невидимое Тело Христово, тот поймёт, что только путём нравственно-религиозного, молитвенного подвига можно содействовать её росту. Ты хочешь быть новым христианином — люби ближнего, как самого себя, люби и прощай врагов своих. Как это будет ново, как это будет необычайно. ...А пока ты будешь исправлять Церковь на бумаге, через приказы, сидя в своём кабинете, это всегда будет сознательное или бессознательное фарисейство»¹. Возможно, успех православного традиционалиста объясняется тем, что он выступал против обновления именно Русской церкви, протоиереем которой сам и являлся. Вряд ли его проповедь возымела бы действие среди адептов Греческой церкви. Однако среди исламского духовенства в Леванте не нашлось и такого верного ортодоксии пастыря, чтобы обличить зарвавшихся исламских обновленцев.

Один за другим националистические режимы утрачивали легитимность и сначала превращались в авторитарные диктатуры, а затем рушились. Евро-американское вторжение покончило с правлением С. Хусейна в Ираке (2004 г.), «арабская весна» (2011 г.) смела диктатуры М. Каддафи в Ливии и Х. Мубарака в Египте. Последний баасистский лидер, президент Сирии Б. Асад в данный момент ведёт войну с оппозицией и исламистами на территории своей страны. Надежды европейского сообщества на

¹ Свенцицкий Валентин, протоиерей. Проповеди. М.: Отчий дом, 2013. С. 31.

демократизацию арабских стран не оправдались и не могут оправдаться. Современный российский востоковед-политолог А. Д. Воскресенский отмечает важную особенность ближневосточных политических режимов, которая препятствует их либерализации: «...в большинстве арабских стран наблюдается фактически неконтролируемая власть президента, у которого фактически в прямом подчинении находятся законодательные органы и правительство. Надо сказать, что в этом положении прослеживается специфика мусульманской политической культуры, обосновывающая необходимость совмещения поста главы государства и правительства в лице харизматичного лидера, как бы “освященного” духовной властью. При этом традиционная мусульманская политическая культура, в отличие от западной, принцип разделения властей расценивает как слабость, т. е. “слитность” исполнительных и законодательных органов только усиливает, по мнению мусульманских политологов и политиков, эффективность государства»¹. Добавим, что принцип национального государства был и остался для исламских стран чуждым, потому что само понятие нации является только европейским, а на Ближнем Востоке роль интегрирующего фактора всегда играла религия. Арабский национализм не объединил, а, наоборот, расколол левантийское общество. Политическое разделение на «национальные республики» вроде Арабской Республики Сирия и Арабской Республики Египет не создало сирийскую и египетскую нации, поэтому их правители превратились в подобие удельных князей и эмиров эпохи Средневековья. На смену одним диктаторам могут теперь прийти только другие диктаторы. «Теперь» — потому что единой для всех мусульман духовной власти больше нет, а потому ни один правитель не может получить религиозную санкцию своего режима. По этой же причине рвущиеся к власти исламисты находятся в более выгодном положении, потому что освящают свои устремления хотя бы ссылками на шариат и теократию, а противостоящие им светские правители представляют только самих себя и свои, нередко коррумпированные, кланы.

Следует отметить, что, не встречая духовного противодействия, исламизм с каждым десятилетием становится всё более агрессивным и, если можно так выразиться, милитаризируется. Если ранние «Братья-мусульмане» и члены сочувствующих им организаций чередовали политическую активность с религиозной экзальтацией, то появившиеся в 1970-е гг. организации ставили во главу угла уже только политические задачи. Например, убийцы египетского президента А. Садата, adeпты сектантской организации «Сокровенный долг», изначально готовились только к террористической деятельности, которая отождествлялась в их глазах с ревностной верой. В начале 1990-х гг. в охваченном духоподъемными

¹ Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект-Пресс, 2007. С. 49–50.

настроениями после Советско-афганской войны (1979–1989 гг.) Пакистане под влиянием «просветительского» ислама (деобанди) возникло движение «Талибан», активно включившееся в борьбу за власть в Афганистане и, неожиданно для всего мира, победившее в ней. Следом возникает состоящая в основном из моджахедов-ветеранов «Ал-Каида», изначально возглавлявшаяся У. бен Ладеном, почему-то считавшим себя вправе издавать фетвы и объявлять такфир, что, согласно шариату, могут делать только дипломированные богословы. На периферии исламского мира возникают радикальные и откровенно террористические организации «Боко харам» (Северная Нигерия), «Харакат ал-Ансар» (Кашмир), «Джамаат аш-Шабааб» (Сомали). Некоторые из этих организаций причисляют себя к ваххабитам и поддерживают тесные связи с Саудовской Аравией («Джамаат аш-Шабааб»), другие называют себя ортодоксальными суннитами («Талибан», «Боко Харам», ИГИЛ). Под лозунгами религиозного возрождения и объявленной «священной войны» действуют в том числе и террористические группировки, не претендующие на власть.

Различные представители исламского клира раз за разом осуждают зверства исламистов, но эти осуждения не имеют юридической силы и являются только частным мнением того или иного авторитетного богослова. Военные меры, принимаемые западными странами для борьбы с терроризмом, не приносят желаемых результатов и, кажется, способствуют популяризации воинствующего исламизма. Например, вторжение в Афганистан войск НАТО привело к формальной замене теократии талибов светским режимом президента Х. Карзая. Но в глазах мусульман этот правитель даже менее легитимен, чем его предшественники. Ведь талибы, хоть и без всяких прав на это, дали религиозную санкцию сами себе, а светский президент открыто признаёт, что его власть держится на штыках американских солдат. Поэтому в Афганистане не утихает партизанщина, как не утихала она во времена просоветского лидера Б. Кармаля. Некогда талибы свергли светский режим президента М. Наджибуллы, теперь они пытаются сделать то же с аналогичным режимом Х. Карзая. Блестящая с военной точки зрения операция американского спецназа ликвидировала лидера «Аль-Каиды» У. бен Ладена, но эта же акция придала убитому террористу и еретiku ореол мученика. Ведь он был не осуждён и казнён своими же мусульманами за нарушения шариата и ересь, а нелегально застрелен иноверцами, сражающимися за деньги. В Ираке бывшие офицеры и унтеры армии С. Хусейна охотнее идут служить ИГИЛ, нежели проамериканскому правительству. Известный общественный и политический деятель, востоковед-арабист Е. М. Примаков писал: «Основой ИГ (исламского государства. — С. С., Д. Т., И. Ч.) стали суннитские радикалы из иракского “треугольника”. К ним присоединились офицеры-баасисты, создавшие после американской оккупации Ирака ряд подпольных организаций. Это усилило боеспособность “исламского государства”, хотя

отношения с бывшими баасистами, мировоззрение которых не во всём совпадает с идеологией ИГ, не определено на будущее»¹.

Положить конец этому разгулу сектантства и подогреваемого им терроризма мог бы только наднациональный лидер мусульман, фетва которого была бы авторитетна во всём суннитском обществе. Ведь не секрет, что «Ал-Каида» имеет интернациональный состав и что в отрядах талибов встречаются не только пуштуны, но и таджики, пакистанцы и даже чеченцы. Интернациональной ереси может быть противопоставлена только интернациональная ортодоксия. И именно эта возможность представляется с каждым днём всё более призрачной в силу беспрецедентного по дерзости шага лидера ИГИЛ, молодой и очень агрессивной сектантской и террористической организации (образована в 2006 г., перешла к активным действиям в 2014 г., запрещена на территории РФ). Впервые за несколько сотен лет сектантский главарь самовольно провозгласил себя халифом. В последний раз это пыталась сделать исмаилитская династия Фатимидов в Египте (909–1171 гг.), но в те годы багдадский халиф незамедлительно объявил их еретиками (тем более что исмаилизм — одна из ветвей шиитского ислама) и повёл с ними беспощадную войну. Но в наши дни прошло уже 72 года со смерти последнего законного халифа, а с момента упразднения его должности в Турции — 92 года. Поэтому получается, что Абу Бакр ал-Багдади, называя себя «халифом Ибрагимом», претендует на вакантную должность. Ведь должность халифа носит транснациональный и надгосударственный характер. Упраздня халифат в Турции, Ататюрк юридически не мог этого сделать от лица всего исламского мира, правителем которого он не являлся. Халифат могли бы ликвидировать только муджтахиды, собравшиеся из самых авторитетных центров суннитской учёности и принявшие коллегиальное решение, но этого как раз и не было сделано.

Так что должность халифа в наши дни существует, и её самовольно пытается занять лидер сектантов-террористов Абу Бакр ал-Багдади. Его биография тщательно скрывается, известны лишь разрозненные факты, согласно которым этот человек с начала 2000-х гг. был адептом «Ал-Каиды» и участвовал на её стороне в Иракской войне. А вот об учёбе этого человека в каком-либо классическом медресе или на теологическом факультете университета ничего неизвестно. Понятно, что самозванец не имеет никаких прав на халифат, но отстранить его могут только муджтахиды. Пока под знамёнами узурпатора объединяются его «единоверцы» из радикальной организации «Джабхат ан-Нусра», ваххабиты из «Ал-Каиды» (хотя с точки зрения ваххабитского учения они не должны признавать халифат), верховенство ИГИЛ признала нигерийская «Боко Харам».

¹ *Примаков Е. М.* «Исламское государство» — реальная опасность // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 2.

Если ложный халиф созывает вокруг себя «воровской сход», то ортодоксальные мусульмане должны ответить тем же. Муджтахиды из ведущих центров мусульманской теологии могут и должны собраться и определить будущее халифата: либо окончательно и гласно упразднить должность халифа, лишив будущих самозванцев возможности спекулировать на сакральном прошлом исламской общины, либо выбрать настоящего из своей среды. Им может стать теолог и правовед из Индонезии или Марокко, Катара или Татарстана, Албании или Кашмира, Судана или Казахстана, но это будет официальное лицо, открыто выступающее на публике и готовое нести ответственность за свои слова. Этот человек сможет представлять суннитский ислам в международных отношениях и чётко, ясно для каждого мусульманина отделить ересь от ортодоксии. Разумеется, «халиф Ибрагим» не признает решение муджтахидов — судя по всему, даже такие авторитетные организации, как Европейский совет по фетвам и Королевский Совет учёных Саудовской Аравии (исламские религиозные организации, имеющие легальное право издавать фетвы) для него ничего не значат. Но тогда, во-первых, ал-Багдади и все поддерживающие его сектантские и террористические деятели будут объявлены еретиками и получают тот самый *такфир*, который они так огульно объявляют всем, кто им чем-нибудь не угодил. А, во-вторых, если ал-Багдади всё-таки захочет выставить свою кандидатуру на пост халифа, то ему придётся приостановить военные действия и прибыть к муджтахидам, чтобы рассказать о своих достоинствах и заслугах. В наши дни он может не приезжать лично, а воспользоваться, к примеру, телемостом или связью *skype*, но при любых обстоятельствах это будет обмен богословскими мнениями, а не выстрелами.

Как же может выглядеть современный халифат, если собрание муджтахидов примет решение сохранить этот старинный институт? Поскольку халиф никак не связан с политической властью и государственной службой, то он сможет проживать в любом государстве мира и заниматься в личной жизни всем, чем захочет: от коммерции до благотворительности, если это не помешает ему консультировать мусульман по вопросам вероучения. Если халиф будет происходить из российской или европейской исламской общины, то он вполне сможет жить у себя на родине, в России или Европе. Ведь Абдул Меджид II, живя в Париже, не переставал от этого быть халифом. Главное, что новый халиф будет легитимной и гласной фигурой: каждое его слово с помощью современных СМИ будет доводиться до мусульман с максимальной открытостью, а если духовный глава ислама займёт экстремистскую позицию, то это быстро станет известно, и халифа можно будет привлечь к международному суду. Если же муджтахиды примут решение об упразднении халифата, то уже ни один экстремистский лидер или своекорыстный проходимец не сможет поругать столь славный, овеянный вековой традицией религиозный институт своими претензиями.

Заключение

В данной статье мы проанализировали такой социально-духовный институт суннитского ислама, как халифат, и пришли к выводу, что, несмотря на многочисленные изменения в статусе халифа, должность эта по сей день существует. Полтора года назад на неё незаконно предъявил претензии лидер сектантской организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ — организация запрещена в РФ) Абу Бакр ал-Багдади, но, поскольку должность эта свободна, никто его притязаний не оспорил. Теперь ал-Багдади использует этот самозванный халифат как интегрирующий фактор — для объединения разномастных мусульманских сектантов и радикалов. По нашему мнению, этой профанации халифата и росту экстремистских сект в исламе мог бы положить конец настоящий, легально избранный халиф, выборы которого с правовой точки зрения вполне возможны.

Литература

Ататюрк М. К. Избранные речи и выступления. М.: Прогресс, 1966. 439 с.

Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. 784 с.

Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект-Пресс, 2007. 190 с.

Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003. 568 с.

Каддафи М. Завещание. М.: Алгоритм, 2012. 320 с.

Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 468 с.

Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. М.: Наука, 1991. 341 с.

Примаков Е. М. «Исламское государство» — реальная опасность // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 2–4.

Свенцицкий Валентин, протоиерей. Проповеди. М.: Отчий дом, 2013. 512 с.

Сюкияйнен Л. Р. Концепция халифата и современное государственное-правовое развитие зарубежного Востока // Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. М.: Наука, 1985. С. 139–159.

Сюкияйнен Л. Р. Концепция халифата и сравнительное государственное-ведение в странах Арабского Востока // Право и политика в развивающихся странах. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 120–143.

Ушаков А. Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002. 383 с.

THE CALIPHATE: ANACHRONISM OR MODERN NECESSITY?

Stanislav I. SULIMOV,

Cand. Sci. (Philos.) associate professor at the department of philosophy and history, Voronezh State University of Engineering and Technology (19, Revolution Avenue, Voronezh, 394036, Russian Federation).
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Igor V. CHERNIGOVSKIKH,

Cand. Sci. (Philos.), associate professor at the department of philosophy and history, Voronezh State University of Engineering and Technology
E-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

Dinara D. TREGUBOVA,

Cand. Sci. (Hist.), scientific secretary at the Institute of Scientific Information for Social Sciences (51/21, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117097, Russian Federation).
E-mail: inionran@mail.ru

Abstract. This work analyzes the genesis and functioning of such a socio-religious institution as the Caliphate in Sunni Islam. Being the successor of the last Prophet, the caliph initially was holding much of religious and secular power in his hands. In its historical course, the Caliphate lost its secular power, although it was retaining the highest authority in religious and legal matters throughout its history. Between 1517 and 1924, the Ottoman Sultan was considered the Caliph. The Republican government exiled the Caliph from the country and abolished the Caliphate in Turkey, thus beheading the Sunni community. This is what makes possible the existence of heretical extremist groups headed by self-appointed 'caliphs'. The authors believe that the position of the Caliph should be either formally abolished or replaced by a legally elected candidate through a collective decision of the Sunni community.

Keywords: religion, Sunni Islam, tradition, the Caliphate, extremism, heresy.

